

22 июня 2021 года мы будем отмечать трагическую дату в истории народа, а по сути, в истории каждой семьи, проживавшей 80 лет назад на территории СССР. Казалось бы, время лечит, уже четыре новых поколения пришли на землю, а боль не проходит, саднит.

Простенькие слова песенки Бориса Ковынева – «22 июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война» – стали народными. Это уже потом – «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». И встали, и победили. И вновь с песней – «мы за ценой не постоим...».

Великая война породила великую литературу. Виктор Некрасов написал «В окопах Сталинграда», Эммануил Казакевич «Звезду», Борис Полевой «Повесть о настоящем человеке», Василий Гроссман «За правое дело», Константин Симонов «Живые и мертвые», публицистика Ильи Эренбурга, стихи Константина Симонова и Александра Твардовского...

Читатель хотел получить мемуары. И этот читательский запрос, казалось, был удовлетворен. Чуть ли не все маршалы надиктовали свои воспоминания. Им помогали профессиональные журналисты, иногда даже писатели – важно даже не то, что имена этих «литературных негров» мы не знаем и не узнаем, а то, что мыслили военачальники дивизиями, полками, а человек, солдат, а жена солдата, а ребенок солдата были песчинками в этих рассуждениях о героизме, о подвиге, о славе...

Отгремели салюты. Помянули павших. И всех вместе, и каждый своих родных. Не оставяла мысль, что лакируем мы представление о той войне.

Часто цитируют сегодня интервью маршала Ивана Степановича Конева, где, не выдержав пафоса и потоки, он сказал, что думает о цене Победы.

Конечно – Победа была. Конечно – она выстрадана. Дорога к ней – боль и кровь.

Вот эту живую историю через десятки конкретных человеческих судеб лишь в последние два десятилетия начали создавать наши писатели. Для меня она открылась в «Блокадной книге» Даниила Гранина и Алеся Адамовича, затем в книге Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». И первая, и вторая построены, как многочисленные диалоги со свидетелями. Одних я мог бы считать свидетелями защиты, других – обвинения на так и не состоявшемся суде над всеми, кто развязал войну.

Чтобы читатель почувствовал, чем отличаются подобные свидетельства, приведу монолог одного из солдат Великой Отечественной Николая Никулина, воевавшего в Синявинских болотах, раненого-перераненого, но выжившего и написавшего собственноручно:

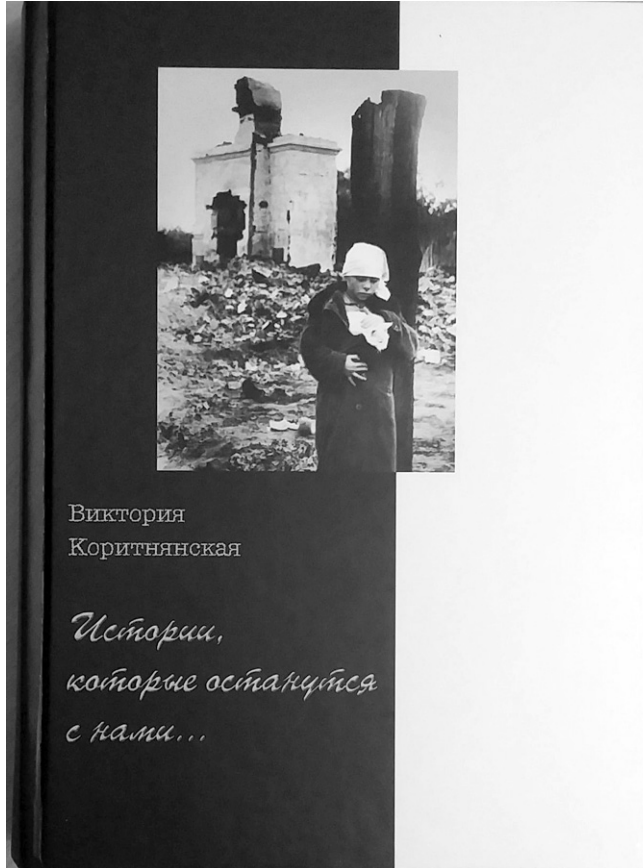
«...Я обратился, – пишет Никулин, – к бумаге, чтобы выскрести из закоулков памяти глубоко завешенную там мерзостью, муть и свинство, чтобы освободиться от угнетавших меня воспоминаний...»

...Война – самое большое свинство, которое когда-либо изобрел род человеческий, война всегда была подлостью, а армия, инструмент убийства, – орудием зла. Нет и не было войн справедливых, все они, как бы их ни оправдывали, – античеловечны...

...На войне особенно отчетливо проявилась подлость большевистского строя. Как в мирное время проводились аресты и казни самых работающих, честных, интеллигентных, активных и разумных людей, так и на фронте происходило то же самое, но в еще более открытой, омерзительной форме. Приведу пример. Из высших сфер поступает приказ: взять высоту. Полк штурмует ее неделю за неделей, теряя множество людей в день. Пополнения идут бесперерывно, в людях дефицита нет. Но среди них опухшие дистрофики из Ленинграда, которым только что врачи приписали постельный режим и усиленное питание на три недели. Среди них дети 1926 года рождения, то есть пятнадцатилетние, не подлежащие призыву в армию... «Вперрред!!!» – и всё. Наконец какой-то солдат или лейтенант, командир взвода, или капитан, командир роты (что реже), видя это вопиющее безобразие, восклицает: «Нельзя же гробить людей! Там же, на высоте, бетонный дот! А у нас лишь 76-миллиметровая пушечка! Она его не пробьет!»... Сразу же подключается политрук, особист и трибунал. Один из стукачей, которых полно в каждом подразделении, свидетельствует: «Да, в присутствии солдат усомнился в нашей победе». Тотчас же заполняют уже готовый бланк, куда надо только вписать фамилию – и готово: «Расстрелять перед строем!» или «Отправить в штрафную роту!» – что то же самое. Так гибли самые честные, чувствовавшие свою ответственность перед обществом люди. А остальные – «Вперрред, в атаку! Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики!». А немцы врылись в землю, создав целый лабиринт траншей и укрытий. Поди их достань! Шло глупое, бессмысленное убийство наших солдат. Надо думать,

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Книга народной памяти

Виктория
Коритнянская

*Истории,
которые останутся
с нами...*

эта селекция русского народа – бомба замедленного действия: она взорвется через несколько поколений, в XXI или XXII веке, когда отобранная и взлелеянная большевиками масса подонков породит новые поколения себе подобных...»

Гордился ли настоящий интеллигент Николай Никулин, что мы победили в войне? Безусловно. Но знал, чувствовал, что потери были безмерны. И приходил к единственному выводу, что всякая война – свинство.

И вот подобная по значимости книга родилась в нашем городе, на материале и Одессы, и всей Украины. В издательстве «Черноморье» ко Дню освобождения Одессы вышла из печати документально-публицистическая книга Виктории Коритнянской «Истории, которые останутся с нами...». В ней несколько сот монологов, записанных писательницей, разговаривающей и с участниками войны, и с «детьми войны», и с «внуками войны». Пытающейся понять, что осталось в памяти этих людей про ту, вроде бы уже далекую, но незабываемую войну.

Сто лет назад была Первая мировая. Что мы помним? Ничего! А Великая Отечественная так глубоко перепахала саму жизнь, что кровоточит и сегодня.

У Виктории Коритнянской уже были предшественники. Но все равно каждая следующая попытка собрать такую книгу – ходьба по минному полю: тревожишь души людей, оказываешься вовлеченной не в одну биографию, а в народную жизнь. Для такой работы нужно обостренное чувство сопереживания и музыкальный слух, чтобы запечатлеть интонацию каждого собеседника.

Виктория Коритнянская, сотрудник реставрационных мастерских, пришла лет пять назад в студию «Зеленая лампа» при Всемирном клубе одесситов, показав несколько коротких рассказов. Они подкупали искренностью чувств, нежностью к своим героям. А потом Виктория принесла короткую повесть «У смерти за пазухой». И я поверил, что писатель состоялся, что это литература. Мы опубликовали ее повесть в сборнике прозы студийцев «Пока Бог улыбается». И ждали.

И вот новая – большая книга. Не парадное описание войны, подвигов и фанфар, а сострадание к тем, кого покалечила война, боль, боль, боль...

«В книге «Истории, которые останутся с нами...» представлены более 70 очерков и историй-воспоминаний о Второй Мировой войне, рассказанных людьми разных возрастных категорий: очевидцами или участниками, представителями второго и третьего поколений, рожденных после войны. Среди поделившихся воспоминаниями было достаточно много людей возрастом 90 и более лет. Они, кроме уникальных историй о Второй мировой (пережитых на фронте, в оккупации и эвакуации, а также в плену и на принудительных работах в Германии), также рассказали о голоде в 1932-1933 и 1946-1947 гг.

География пережитых историй разнообразна. Наибольшее количество моих респондентов – жители Одессы и Одесской области. Но есть в книге и «живые» свидетельства представителей других населенных пунктов Украины: Киева, Львова, Свалявы, Луцка, Днепра, города Счастье Луганской обл., сел Полтавской, Николаевской, Черкасской, Харьковской областей.

Мне кажется, у меня получилась антивоенная книга. Истории в ней, словно пазлы, показывают войну во множестве ее проявлений. И каждый – а в книге есть истории украинцев, евреев, русских, татар и рома – пережил в эти годы боль и страдания, постоянный страх и голод...

Книга немаленькая – 540 страниц. Но это лишь капля в море для страны, где «трудно найти семью, где бы война не стала домашней историей».

Виктория КОРИТНЯНСКАЯ.

В этой книге нет пафоса. Но есть осознанная цель – показать немислимость войны, разрушающей в человеке человека. Чтобы вы представляли, о чем я рассказываю, вот маленькие фрагменты больших историй, выхваченные как бы увеличительным стеклом из более чем 500-страничной книги.

Жанна, г. Одесса:

– Я до сих вспоминаю с ужасом... Помню, как каждый день слушали по радио Левитана. А он говорил: «Такой-то город сдан, такой-то город взят...».

И все взрослые начинали плакать, и мы, дети, жались к мамам и бабушкам и тоже плакали...

Помню, как в бомбоубежище мама прижимала меня к животу и руками зажимала мне уши, чтобы я не слышала шума, свиста снарядов...

Помню, как после бомбежки мы первым делом бежали к нашему дому, смотреть, целый он или нет... Это было так страшно, остаться без дома...

Галина, г. Одесса:

...Папу моего Спиридона Андреевича расстреляли в 44-м. Дома расстреляли, у нас на глазах... Пришел офицер с бляхой такой на груди, СС, наверное, с пистолетом, – и прямо к чердаку: «Лестницу дай!». Мы ему лестницу не дали, конечно, стали кричать... Мама кричит, я с сестрой кричу, просим: «Не трогайте папу!». А он тогда, у нас возле курятника пристроечка такая была, будочка небольшая, вылез на ту пристроечку и через окошко чердачное убил папу... Два раза попал ему в голову, одна пуля через щеку назад вышла, а вторая так вроде сбоку, от уха до уха...

Алла, г. Балта, Одесская обл.:

...А дальше немного, на нашей же улице, жил с семьей двоюродный брат бабушки, Федор. Он работал учителем, и 30 марта, на следующий день, как Балта освободили, случилась с его семьей трагедия. Жена его постирала и вывесила на улице белье, простыни, еще что-то, погода, видно, была хорошая, и летел немецкий самолет, и летчик, наверное, подумал, что там госпиталь, и сбросил на усадьбу три бомбы. Я помню эти воронки глубокие, эти ямы, где-то в двух метрах друг от друга... И Федор, его жена и дочка, и жены сестра родная погибли, а сын Федора Саша, ему тринадцать лет тогда было, побежал как раз, послал его в магазин за газетой, а когда вернулся – дома нет уже... Так их всех и похоронили рядышком, четыре могилы в ряд на кладбище стоят...

Николай, г. Одесса:

...Я помню освобождение Одессы. У нас в двери в наш полуподвал было стеклышко, и оно было плохо закреплено. И ночью, где-то в полчетвертого утра – мы спали все в одной комнатке – вдруг колоссальный, оглушительный стук в дверь, и стеклышко это громко очень задребезжало. Мы проснулись все, конечно. Дедушка нас обнял: тогда же и партизаны ходили, и немцы, и румыны свирепствовали... Мы не знали, что нас ожидает... А потом зажгли все-таки свет, не помню, что там было, или свечечку, или лампу керосиновую, и увидели через это стеклышко зеленую каску и на ней большую красную звезду. И когда открыли, вошел солдатик. Уставший, они же там пробирались через эти лиманы... В плащпалатке с ППП, автомат у него висел на ремне... И мы от радости чуть не задавили этого солдатика в объятиях. А на следующий день, когда рассвело, во дворе творилось что-то невероятное... Люди пели и танцевали... Для нас это был День Победы!

Как видите, я взял разные монологи, про разные годы войны, на русском, на украинском языке, так, как люди говорили, так, как помнят, как рассказывают своим детям и внукам.

Мы поставили памятники в честь Победы, назвали улицы в память о героях, но все мемориалы мертвы без человеческого сострадания, без ненависти к войне. Поэтому эта книга нужна сегодня Одессе. Книга народной памяти.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ,
журналист, культуролог.